

**В. Г.
АВСЕЕНКО**

Василий Григорьевич Авсеенко

Развязка (Петербургские очерки #22)

«Густыя, пронизанныя теплою сыростью сумерки спустились на всю окрестность. Тѣни сплылись, ихъ не различишь больше. Невка неподвижна, и съ трудомъ ловить слухъ слабый шорохъ прибоя. На дубкахъ уже появился желтый листь. Травка перестала расти, по ней смѣло ходятъ огромныя старыя вороны, разинувъ свои крѣпкіе клювы, и иногда съ сухимъ, протяжнымъ трескомъ раздается ихъ голодное карканье. Дальше, на взморьѣ, что-то низко синѣетъ – не то туча, не то отяжелѣвшій воздухъ...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

**Василий Григорьевич
Авсеенко
Развязка**

Густыя, пронизанныя теплою сыростью сумерки спустились на всю окрестность. Тѣни сплылись, ихъ не различишь больше. Невка неподвижна, и съ трудомъ ловить слухъ слабый шорохъ прибоя. На дубкахъ уже появился желтый листъ. Травка перестала расти, по ней смѣло ходятъ огромныя старыя вороны, разинувъ свои крѣпкіе клювы, и иногда съ сухимъ, протяжнымъ трескомъ раздаются ихъ голодное карканье. Дальше, на взморьѣ, что-то низко синѣетъ – не то туча, не то отяжелѣвшій воздухъ.

Петербургское лѣто на ущербѣ...

На балконѣ дачи, убранномъ растеніями и цвѣтами, стоитъ молодая дама, въ свѣтломъ фуляровомъ корсажѣ, красиво обтягивающемъ ея бюстъ. Она оперлась на деревянные перила, хорошенькое смуглое лицо ея наклонилось надъ ящикомъ отцвѣтающихъ левкоевъ и только что распустившихся астръ и гвоздикъ. Тонкія ноздри ея втягиваютъ пріятную смѣсь травянистой сырости и аромата цвѣтовъ; глаза, не то лѣнивые, не то печальные, поднимаются до линіи водяного горизонта, и медленно опускаются къ крошечной

пристани, у которой качается лодка.

На ея лицѣ какъ будто застыло то присмирѣвшее выраженіе, которое незримо разлито во всей природѣ, которое чувствуется передъ послѣдними аккордами музыкальной пьесы, передъ послѣдними главами романа. Смутное, невѣдомыми путями вкрадывающееся чувство скорого конца какъ будто тихонько сжало ее, поглотило излишнюю яркость красокъ на лицѣ, поставило ее въ эту лишенную энергіи позу.

Ее вывело изъ задумчивости прикосновеніе чьей-то руки къ ея талии. Она вздрогнула и почти сердито оглянулась.

– Ты испугалъ меня, – сказала она, узнавъ мужа.

Ратмолову было на видѣ не болѣе сорока лѣтъ. Онъ имѣлъ приличное лицо и приличную, чрезвычайно прямую фигуру. Апатичное выраженіе шло къ его протяжному голосу и мягкой самоувѣренности манеръ.

– Извини. Я хотѣлъ спросить, что мы дѣлаемъ сегодня? – произнесъ онъ, сбрасывая пепель съ сигары.

– Я ничего не дѣлаю, – отвѣтила она. – Я бу-

ду дома.

– Все дома? Не соскучишься?

Въ его голосъ уже звучала небрежность. Видно было, что онъ и ожидалъ, и желалъ такого отвѣта.

– Мнѣ все равно, – сказала она.

– Ну, въ такомъ случаѣ я пойду къ Майда-новымъ. У нихъ винтятъ.

– Хорошо, – проговорила она безразличнымъ тономъ, и повернувшись, заняла прежнее положеніе.

Она видѣла, какъ прямая фигура мужа мелькнула мимо рѣшетки сада. Они кивнули другъ другу и напряженно улынулись. У него эта улыбка означала: «Мнѣ удобнѣе, что не надо сопровождать тебя туда, гдѣ мнѣ скучно. Въ возмѣщеніе ты будешь вести романтическіе разговоры съ Баровскимъ, и оба будете любоваться луною. Но Баровскій – человекъ осторожный и никому не дастъ правъ на себя. Слѣдовательно, я все-таки въ выигрышѣ».

А вокругъ балкона темнота все болѣе стужалась. На рѣкѣ и по берегу замелькали огни. Они длинными, какъ будто до дна доходящи-

ми языками лизали неподвижную водяную гладь. Воздухъ становился сырѣе; но было тепло, почти душно. По краямъ отяжелѣвшей на горизонтѣ тучи раза два быстро пробѣжали зарницы. Волосы немножко развилась на лбу Вѣры Александровны, и это дало всему лицу ея болѣе страстное выраженіе.

Въ темнотѣ вдругъ выставилась свѣтлосѣрая шляпа. Вѣра Александровна прищурилась и сразу немного поблѣднѣла.

– Здравствуйте, Глѣбъ Михайловичъ, – произнесла она съ дѣланнымъ безразличіемъ.

– Разрѣшается? – раздался въ той-же темнотѣ свѣжій мужской голосъ.

– Почему-же нѣтъ?

Она отошла отъ периль, подвинула стоявшій на дорогѣ стулъ, попробовала рукой, хорошо-ли лежитъ кушакъ на ея талии, и остановилась передъ ступеньками. По нимъ быстро взбѣжалъ Баровскій.

– Я велю дать сюда чай. Вы не боитесь сырости?

– О, нѣтъ.

У него было очень пріятное, выразительное лицо, съ темными усами и бородкой и

живыми, нѣсколько плутоватыми, карими глазами.

Разговоръ сразу завязался; но говорилъ больше Баровскій; Вѣра Александровна ограничивалась короткими фразами, и съ преувеличенной хлопотливостью хозяйничала около самовара.

– Вы сегодня не такая какъ всегда, – сказалъ Баровскій, отказываясь отъ второй чашки.

Вѣра Александровна не отвѣтила. Ей вдругъ, какъ будто безъ причины, сдѣлалось тоскливо-тяжело, словно что-то сдавило горло и помутило глаза. И внезапный страхъ напалъ на нее – страхъ расплакаться ни съ того, ни съ сего.

Онъ внимательно взглянулъ на нее, потомъ бросилъ взглядъ черезъ раскрытую дверь въ гостиную, и убѣдившись, что тамъ никого не было, осторожно сжалъ ея руку.

– Право, вы какая-то особенная. Нервы? – спросилъ онъ съ опасливымъ участиемъ.

Бываетъ такое настроеніе, когда какое-нибудь слово, само по себе совсѣмъ незначительное, почему-то производитъ впечатлѣніе толчка. Такой толчокъ почувствовала Вѣра

Александровна отъ слова: «нервы». Она отставила чашку, порывисто встала и отвернулась.

– Пойдемте въ садъ, здѣсь противно... – проговорила она, и ея голосъ прозвучалъ особымъ, удушливымъ звукомъ.

Почему «здѣсь противно»? Это сказалось какъ-то само собою, отвѣчая цѣлому поднявшемуся въ ней настроенію.

Она спустилась со ступенекъ и пошла скоро, не оглядываясь, все прямо. Баровскій слѣдовалъ за нею. Въ его походкѣ, на этотъ разъ, было что-то кошачье, также какъ въ застенномъ блескѣ его расширившихся зрачковъ. Онъ какъ будто инстинктивно весь настроивался.

Вѣра Александровна дошла до береговой аллеи и сѣла на скамью.

– Я сегодня съ утра дурно себя чувствую, – сказала она. – Не обращайтесь вниманія. Рассказывайте что-нибудь.

– У меня отвратительный матеріалъ для разговора: я весь день въ городѣ искалъ квартиру, – отвѣчалъ Баровскій.

Она, отодвинувшись на край скамьи, въ темнотѣ разглядывала его. Растревоженное,

надавившее на всѣ нервы чувство также проступало въ чертахъ ея лица.

– Да, лѣто кончается, Глѣбъ Михайловичъ... – произнесла она. – Все на свѣтѣ кончается.

– Какъ и мы сами, – отвѣтилъ онъ ей въ тонъ.

– И мы сами: да. Но пока мы кончимся, почему намъ приходится переживать то, что должно бы кончиться лишь вмѣстѣ съ нами?

Онъ повертѣлъ тростью съ набалдашникомъ изъ темнаго серебра, и вопросительно взглянулъ на нее.

– Вотъ, и это все уже кончается... – продолжала она, неопредѣленно поведя глазами вокругъ. – Съ утра былъ чудный день, солнце ярко свѣтило, а теперь посмотрите, какая тьма кругомъ, какъ сыро въ воздухѣ. И наше, наше собственное лѣто кончается...

– Но эта ночь, развѣ она не прекрасна? – возразилъ Баровскій. – Она прекраснѣе дня. Взгляните: на небѣ высыпали первыя звѣзды. Мы долго не видѣли ихъ. А рѣка – какъ она красиво темнѣетъ среди этихъ длинныхъ огней! А эти теплыя, душистыя тѣни въ саду –

онъ не пугаютъ, а заставляють только ближе прижиматься другъ къ другу...

Онъ обвилъ рукою ея талию и тихо привлекъ ее къ себѣ. Она не сопротивлялась, и только лицо ея все больше блѣднѣло. Когда онъ прикоснулся губами къ ея губамъ, онъ были холодны. Легкая дрожь пробѣжала по его нервамъ отъ этого мертваго поцѣлуя...

– Вѣра, что съ вами? – спросить онъ тревожно.

Она не отвѣчала. На сомкнутыхъ рѣсницахъ ея показались слезы и быстро, быстро потекли по щекамъ.

– Вѣра! – повторилъ онъ, сжимая обѣими руками ея тонкую талию.

Она сдѣлала нетерпѣливое движеніе головой и молча прижалась къ его плечу душистою массою волосъ. Потомъ рука ея медленно опустилась въ карманъ, достала батистовый платокъ и поднесла его къ губамъ.

– Оставьте меня, это пройдетъ... Мнѣ цѣлый день сегодня хотѣлось плакать... – проговорила она тихо.

– Почему, о чемъ? – спросилъ онъ.

– Вы не понимаете? О томъ, что все конча-

ется, Глѣбъ Михайловичъ. О томъ, что уже не будетъ того, что было.

– Развѣ вы уже не любите меня, Вѣра? – проговорилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Она тихонько освободилась отъ его рукъ и отодвинулась въ уголь скамьи. Краски какъ будто вернулись на ея лицо, зрачки слабо вспыхнули.

– Глѣбъ Михайловичъ, я хотѣла сказать вамъ... Мы не должны больше видѣться, – проговорила она съ замѣтнымъ усиліемъ.

Онъ остановилъ на ней изумленные, испуганные глаза.

– Не должны. Это надо кончить. Я не могу... – подтвердила она.

– Но почему? Что случилось? – вырвалось у него.

– Вотъ именно потому и надо кончить, что ничего не случилось. Мы увлеклись, и можетъ быть, были счастливы, но... Боже мой, неужели вы такъ мало уважаете меня? Неужели вы не понимаете, что я не могу основать свое счастье на лжи, на обманѣ, на преступленіи? Красть признанія, ласки, поцѣлуи? Довольно! Мы оба слишкомъ гадки

съ нашею воровскою любовью!

Она говорила все быстрее, ея волненіе раз-
росталось. Видимо, слова выражали не всю ея
мысль.

Баровскій казался смущеннымъ. И опять
выраженіе какой-то звѣриной, кошачьей
осторожности проступило въ чертахъ его ли-
ца.

– Вѣра, вы нервничаете. Вы вдругъ
захотѣли взглянуть на все съ какой-то... край-
ней точки зрѣнія, – заговорилъ онъ. – Если вы
намекаете на то, что вы несвободны, то вѣдь
вы не скрывали вашихъ совсѣмъ не сердеч-
ныхъ отношеній къ мужу. Я не подозрѣвалъ,
что брачныя узы такъ много значатъ въ ва-
шихъ глазахъ...

Зрачки ея сильнѣе вспыхнули, она вся вы-
прямилась.

– Я могу объяснить вамъ цѣнность этихъ
узъ, – отвѣтила она почти надменно зазвучав-
шимъ голосомъ. – Они ничего не стоятъ пе-
редъ истиннымъ чувствомъ, но очень цѣнны,
когда дѣло идетъ о пустой прихоти.

– Вы называете мое чувство къ вамъ пу-
стою прихотью?

– Да, Глѣбъ Михайловичъ. И вы знаете, почему я его такъ называю. Вы знаете, что въ томъ положеніи, въ какомъ мы всѣ трое находимся, для истиннаго чувства есть только одинъ выходъ.

Всѣ слѣды слабости, еще сейчасъ владѣвшей ею, исчезли съ ея лица. Она смотрѣла на него открытыми, смѣлыми, вызывающими глазами.

Онъ тоже всталъ и стоялъ передъ нею немного согнувшись, опираясь на трость.

– Вы нервничаете, намъ не надо сегодня продолжать этотъ разговоръ, – произнесъ онъ съ заискивающей ноткой въ голосъ.

– Мнѣ нечего продолжать, я все сказала, – отвѣтила она сухо. – Прощайте, Глѣбъ Михайловичъ.

– Но, Боже мой, вы меня изумляете...

– Прощайте, – повторила она, и быстро повернувшись, пошла къ дому.

– Вѣра! Вѣра Александровна! Одну минуту! – осторожно окликнулъ онъ, дѣлая нерѣшительные шаги вслѣдъ за нею.

Она пріостановилась на поворотѣ, руки ея машинально прижались къ груди, профиль

лица повернулся изъ-за плеча. Всѣмъ существомъ своимъ она ловила ожидаемый звукъ...

Но мгновенье пролетѣло, и какъ-бы торжествуя надъ послѣднимъ приступомъ слабости, она пошла скорѣе, почти побѣжала впередъ.

Темный силуэтъ ея мелькнулъ на балконѣ и скрылся окончательно.